

Глава 1

ДОМ СЧАСТЬЯ

Звездное небо над головой еще никогда не казалось Анастасии таким мрачным. Хотя ночь выдалась на диво спокойной: шелестел сад, заливались цикады, цветы пахли так одуряюще тонко и вместе с тем пронзительно, что сердце разрывалось от сладости и боли.

Недаром арабы называют созвездие Большой Медведицы «погребальными носилками», ох, недаром! Похоронными колоколами сейчас для Анастасии звучал голос одинокого соловья, одуревшего от любовного томления; погребальным саваном казались одежды тонкого шелка, выданные каждой девочке неусыпно следящими за ними евнухами. Ей — и ее подругам — предстояла поездка в Стамбул. А что будет со всеми ими далее, ведал только Господь.

Анастасия сердито поморщилась. Всего полгода назад привезли ее сюда, в мир, где благоуханные цветы, растущие в особом, тщательно охраняемом крыле резиденции боснийского санджак-бея, не радовали глаз, а пение соловья воспринималось как воронье карканье. Всего полгода — а уже тянет вместо Иисуса Христа,

Господа нашего, помянуть Аллаха, всемилостивого и милосердного. Страшное это место — неволя, хоть и ешь куда слаще, чем дома, и спиши на мягком тюфяке, и носишь одеяды из тканей, ласкающих тело.

Да только надолго ли вся эта роскошь? Вот привезут их в Стамбул...

Что произойдет потом, здешние старались не думать. Жили днем сегодняшним, покорно принимали науку, которую им здесь преподавали суровые наставницы-калфа, суля наиболее способным ученицам попадание прямиком в Дар-ас-Саадет — «Дом счастья», султанский гарем. Ну а с менее способными что случится? Наставницы, особенно старшая — «уста», многозначительно двигали бровями, отчего наиболее нежные девушки потом не могли спать ночью, оплакивая свою бездарно растроченную юность.

Анастасия нервы имела крепкие, а бессонница мутила ее совсем по иной причине. Да что с ней-то, в самом деле, может случиться дурного? Работы Анастасия никогда не чуралась, от здешнего безделья порой маялась. Ну да, наука... а кроме науки-то что? Сидишь, розы нюхаешь, птиц слушаешь, сплетнями с подружками перебрасываешься. Да и какие здесь сплетни, Господи, помилуй? Все про то же: а вот что будет, когда доставят в Стамбул; а вот как жизнь сложится; а какой он, султан; а вот говорят, что главное — не султану понравиться, а его жене... да нет, не жене, а матушке, валиде-султан... да нет, не матушке, а главному евнуху, кызлар-агасы...

(Запомнила, запомнила она все эти должности, звания и названия — включая арабские названия созвездий, ну это как раз случайность, арабскому языку их тут не учили... А вот турецкому школили изрядно. У Анастасии память была цепкая, она новые знания

хватала легко и радостно, даже такие, которые почти наверняка не потребуются. У других по-разному получалось.)

Что будет, что будет... Да что на роду написано — то и случится, и ни на волос больше, ни на волос меньше! Мучило Анастасию совсем иное. Ну ладно она, она-то сильная, разберется, а Мария, лучшая подружка? А совсем юная Софийка, которая и здесь-то трясется, будто осиновый лист, ну а уж в Стамбуле, перед лицом грозной валиде (или кызлар-агасы, все они одним миrom мазаны!), совсем, небось, растеряется!

Их-то как защитить от безжалостной судьбы?

Мария, она, разумеется, постарше и поопытней, да и здесь побольше времени провела, но тоже ведь рабочая, будто весенняя трава, едва пробившаяся из-под снега. Эх, если б еще такая же живучая была, так нет же! На лицо, конечно, красивая, половина здесь ей в подметки не годится, включая саму Анастасию, да только если б красота все решала, так не стал бы санджак-бей трястись над грузом своим драгоценным, не стал бы вместе собирать жемчуг и алмазы, рубины и сапфиры... Это не Анастасия придумала, это один из евнухов тут похвальялся — дескать, партия собралась прям на подбор: все девицы словно драгоценные камни, каждую султану не стыдно показать! Другой, правда, возражать начал, и евнухи поссорились, но скора эта Анастасии уже была неинтересна.

Камни, цветы, сундуки да букеты... Иногда девочке казалось, что здешние относятся и к себе, и к другим словно к дорогим вещам: главное — не поцарапать да не разбить. А душа как же? Их всех обучали Корану, а священника не пустили ни разу! Да и какого именно священника? Мария вон католичка, а Софийка — православная...

Все это стиралось здесь и сейчас, в странном небытии, которым жила партия невольниц, предназначенная для отправки в Стамбул. Время в этом месте замирало, а там и вовсе останавливалось, застыпало стеклянной слезой, сквозь которую просвечивали все те же розы, и все так же стрекотали цикады. И отобранные для гарема девочки — маленькие и не очень, еще неоформившиеся и такие, которые вполне уже способны выйти замуж и подарить мужу наследника, да и не одного, — все они застыли вместе с этим садом, и этими помещениями, и додонящими одно и то же наставницами, и снующими между комнатами евнухами.

Так казалось не одной Анастасии. Мария, обычно не жалующаяся на судьбу и поддерживающая меньших по возрасту подруг, особенно Софийку, сказала как-то, не обращаясь ни к кому конкретно и глядя на желтый солнечный луч, пляшущий на стене комнаты:

— Вот он — янтарь. Самый настоящий бурштын, дорогой, неподдельный. В таком, знаешь, мухи иногда застывают. Так мы и есть те мухи, знаешь?

«Знаю», — хотелось сказать Анастасии, но она смолчала, тоже вглядываясь в теплое, трепещущее янтарно-желтое пятно. После короткой паузы Мария встрепенулась, улыбнулась немного растерянно и перевела разговор на иное. Больше о таком она не заговаривала, но было это словно вчера. Или сегодня. Когда ты в стеклянной слезе, разве имеет значение, вчера кто-то вымолвил умные слова, позавчера или минуту назад? Что-то запоминается сразу и надолго, что-то же мгновенно забывается, словно никогда и не бывало. У застывшего мира свои собственные законы — вязкие, тягучие, сковывающие тело и волю не хуже самых надежных кандалов. В этом мире время измерялось

числом привозимых сюда девочек, и их прибытие знаменовало изменения — то ли времен года, то ли количества человек в общей спальне, длинной и серой, где у каждой был свой тюфяк, а вечерами долго не замирали шепотки и смешки, с которыми многомудрые евнухи не могли ничего сделать, — впрочем, вряд ли и пытались.

Софийка, к примеру, приехала погожим осенним деньком, смущенная и перепуганная, и слезы текли по ее лицу, но на больший протест она не осмеливалась. Анастасия сразу приметила ее, кивнула понятливой Марии, а той ничего и объяснять не нужно было — она сразу шагнула к девочке, заговорила ласково, вот Софийка и оттаяла понемногу. Когда-то Мария точно так же шагнула к другой девчушке, только не плачущей, а маленьkim перепуганным зверьком оглядывавшейся по сторонам, в поисках не то места, куда можно спрятаться, не то руки, которую можно укусить... Так у Анастасии появилась первая здешняя подружка. Со временем знакомств стало больше — Айше, Галина, Серафима, Анита-младшая... Но неразлучной Анастасия была именно с Марией. И с Софийкой — с недавних пор.

После приезда последней партии сколько уже прошло? Неделя, месяц, два? Стеклянная слеза вновь застыла, равнодушная ко всему, творящемуся снаружи.

Но вот кто-то сильный и властный, не скованный, как прочие, всесильным временем, ухватил поудобней молоток и нанес удар по стеклянной слезе. По ее поверхности побежали трещины, сквозь которые в оцепеневший мир хлынули иные звуки и запахи, голоса и надежды. А также страхи — их даже больше, чем чего-либо другого. Софийка плакала по вечерам. Мария хмурилась и утешала ее тихим грудным голосом, в эти

минуты удивительно похожим на голос матери Анастасии, убаюкивавшей младшего братишку по вечерам. «На правой ручке златой перстень, а на перстне сине око, а на нем-то лежит камень, бежит, течет вода по камню, поит травы зеленые, а на травах белы павы, что пасет их славна пани...». Под эту песню засыпала и сама Анастасия. Где-то теперь мама и братик, где-то нынче поют эту старую колыбельную?

Под мерные уговоры Марии ресницы Софийки смыкались, сон овладевал ею. Мария грустно улыбалась, глядя на Анастасию, но та не могла ответить ей улыбкой, как ни старалась.

* * *

О собственной красоте Анастасия до своего похищения не слишком-то задумывалась. Хотя знала: да, красивая.

— Ну чисто цветок персика! — умилялся дядька Яков, старый воин, прошедший не одну кампанию, лишившийся глаза и пары пальцев на левой руке.

Родня поддакивала. Анастасия делала вид, будто смущается, опускала глаза, павой скользила по избе, якобы занятая каким-нибудь делом.

— Вы только жениха ей подберите хорошего, не голодранца какого-нибудь, — напутствовал маму Анастасии дед Борис, названный так в честь святого великомученика.

Матушка вздыхала, кивала, говорила:

— Да вот стараемся, как же ж!

— Лучше старайтесь! Девка ваша — как вольная песня, не всякому ее спеть-то дано!

Анастасия улыбалась. Ей нравилось это сравнение — с птицей, с песней, летящей по селу и заставляющей раскрываться людские сердца. Такой она и представляла себя — вольной песней, белой птицей, прильнувшей

к груди могучего воителя, заглянувшего в их село воды напиться. Эх, хорошо бы было!

Но в целом красотой своей Анастасия много не занималась и целыми днями в кадку не гляделась. Ну да, хороша, только как бы не зазнаться-то! Женятся не на красавицах и умницах, а на тех, у кого дом — полная чаша. На хороших хозяйках, покладистых, мужа уважающих, свекрам не перечащих, за детскими присматривающих. А как же иначе?

Вот так, как сейчас. Комната, утопающая во мраке, ряды матрасов, с которых глядят испуганные и восторженные глаза будущих гаремных пери, и Айше, очередной раз повествующая о ненавистном султане:

— Когда идет он — реки от страха выплескиваются из берегов. А войско у него такое, что если грязнут они хором песню, то люди от звуков этих замертво падают. И птицы с небес валятся.

«Все ты врешь!» — хочется сказать Анастасии. Не было еще такого войска, от которого птицы бы с небес... Вот ежели подстрелить птицу, то она упадет замертво, а от воплей, даже богатырских, только подальше улетит, к облакам.

Но не бывать уже Анастасии птицей, белокрылой чайкой. Поселили ее в золотую клетку...

— А мне говорили, будто султан плешиый и низкорослый, — это Анита. Некоторые девчонки привычно шикают на нее, но Анита не унимается: — И что женщины в его гареме самые главные, как жены повелят — так и будет.

Аните тоже особой веры нет. Гонористая польская панянка сразу же, в день своего прибытия, ухитрилась настроить против себя половину гарема. Как ее за косы-то не оттаскали? Чудом, наверное. Потом, правда, приутихла немного, даже подружками обзавелась,

которым плела с три короба о своем замке где-то в Бжевць-Куявском воеводстве и доме в городке Радзев, где устраивались балы для тамошней знати. Если в первое Анастасия поверить еще была готова, то во второе уж вряд ли. Серафима как-то предложила Аните посоревноваться в танцах, но та от состязания наотрез отказалась, ногу, видите ли, потянула. А может, постеснялась выходить в один круг с наглой цыганкой...

В любом случае очаровать султана Анита была намерена всерьез, и неважно, плешиый он там или нет. Серафима по этому поводу много смеялась: «Видели какая? Похлебку еще не сварила, даже костра не развела, а уже поскакала с миской да ложкой наперевес! Ох, не любит таких Боженька, ох, наказывает!»

В этом Анастасия с чернявой нахалкой была категорически согласна.

Здесь, среди товарок по несчастью, она впервые поняла, какое значение имеет красота. Сила, способная вознести тебя на недостижимые высоты или низвергнуть в пропасть. Власть над мужскими умами, сильней которой нет.

Или есть?

Вредный внутренний голос — может, то был голос дьявола? — твердил ей, что какой бы ты ни была красавицей, как бы ни нежна была твоя кожа, как бы ни сияли томностью и страстью глаза, а только ум тут тоже важен. Пускай наставницы твердят, что ни к чему женщине ум, что ей нужно только следить за собой да думать, как половиной угодить господину, — что ж, Анастасия их послушает и посидит лишний часок за зеркалом, воспользуется теми притираниями, что они советуют для гладкости кожи, тщательно расчешет волосы, подведет нужным образом глаза, чтобы приоб-

рели они мягкость пуха и зной южной ночи. Все это сделать не так уж и сложно. Но вот как сохранить эту пресловутую власть, если в гареме сотни таких, как ты, и все мягкие, гладкие, сладкие да ласковые? Как раз об этом наставницы ни полсловечка не обронили. Дескать, мужнина воля превыше всего — и весь сказ. Да ведь не зря же говорят, что муж — голова, а жена — шея...

И не так уж неправа гонористая полячка, намеревающаяся вертеть султаном. Только вот языком об этом трепать направо-налево не стоит. Мужчины не любят. Да и товарки по несчастью тоже смотрят косо. Нет, тут надо иначе, надо быть слаще меда для мужа, а своих тоже не забывать. Создать собственную партию — вот как Мария здесь. Чтобы поддерживать друг друга, вместе противостоять всему дурному, что может случиться, защищать друг друга. Гуртом и в тюрьме легче сидеть, как говаривал старый вояка дядька Яков.

Странные мысли. Где-то опасные, а где-то — захватывающие. И страшно от них, и сладко, и хочется, чтобы поскорей наконец закончилось это удушающее ожидание.

Заглядывая себе в душу, Анастасия уже готова была признать: да, ей хочется в Стамбул, хочется попытать счастья в новом мире. Если не удастся — ну, так тому и быть, жизнь на этом не заканчивается. Ну а если выгорит, значит, судьба к ней благосклонна и можно вольной песней лететь над землей, вдохновляя и оберегая, раскрывая сердца и утишав тревоги.

Да и вообще — что угодно, куда угодно, лишь бы вырваться наружу!

Птица готова была расправить крылья. В клетке ей становилось слишком тесно.

* * *

Валиде-султан Сафие устало приняла кубок от верной хазинедар — «хранительницы», прислуживающей одной только валиде. Пожилая мавританка Рухшах попала в гарем одновременно с Сафие. Обе тогда были юными, смешливыми, в равной мере напуганными выпавшей им судьбой и надеявшимися на лучшее. Они быстро подружились, гуляли вместе, вместе радовались и отчайвались, а когда судьба вознесла Сафие на вершины, то старую подругу она не забыла. И вот уже столько времени они неразлучны...

Вместе и состарились: теперь они действительно *старые* подруги. Рухшах добровольно вызвалась остаться с Сафие, и кызлар-агасы смолчал, коротко кивнув.

Давно же это было...

Разумеется, у Сафие-султан имелись и другие хазинедар, но Рухшах неизменно оставалась наперсницей и первой подругой. Даже больше чем подругой — родной душой.

А такая в гареме очень нужна. Важно не очерстветь душой, подозревая каждую, следя за тем, чтобы муж развлекался с красивыми рабынями, но не переходил черту. Покупать наложниц для собственного супруга, всегда помня, что ты — одна из них, что сегодня тебя зовут хасеки, ты — мать наследника и любимая игрушка султана, а завтра можешь стать никем и не просто полететь в пропасть, а еще и потянуть за собой сыновей. Султана Мурада называли мужем Сафие, а ее — султаншей, но правда всегда была запечатана печатью молчания на устах евнухов, таилась в мерцающих взглядах юных наложниц. И правда эта была проста и горька — султан никогда не объявлял перед Аллахом, что Сафие-султан ему жена.

Сафие грустно улыбнулась, вспоминая минувшее. Гаремная жизнь слишком жестока, чтобы долго можно было оправдывать имя «чистая», полученное по прибытии в гарем. Здесь у каждой под изголовьем припрятан сундучок со скорпионами — и хорошо, если только фигурально выражаясь. Пришлось и собственный завести. А Рухшах всегда помогала. Но ее помощи вряд ли оказалось бы достаточно, когда взгляд султана упал на юную венецианку. Спасибо Нурбану-султан. Помогла, подсказала. Научила выживать. Отношения со свекровью всегда оставались... сложными — две великие женщины не раз и не два по-разному представляли себе будущее Оттоманской Порты. Но когда Нурбану-султан умерла, Сафие оплакивала ее вполне искренне.

Еще и оттого, что Нурбану-султан прошла через то же, что и сама Сафие.

Когда умер муж, то Мехмед, милый мальчик Мехмед, в былые времена игравший у Сафие на коленях серебряными фигурками всадников, взошел на трон. Первым делом новый султан приказал вырезать собственных братьев, а Сафие-султан, теперь уже валиде Сафие, заперлась в своих покоях и выла, как раненая волчица. И что с того, что среди убитых был всего один сын самой Сафие?

Ведь был же!

Что с того, что знала, заранее знала, готовилась? Как приготовиться к такому, как разорвать сердце пополам, одну половинку испепелить, а вторую заставить любить по-прежнему того, кто не увидел в содеянном ничего дурного?

Те дни запомнились валиде Сафие, как непрекращающийся кошмар. Ночи были наполнены тенями, тянувшими к ней руки, зовущими: «Мама, иди, поиграй

